

М. И. Гиллельсон

Пушкин и «Записки» Е. Р. Дашковой

I. РУКОПИСНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Незадолго до смерти Пушкина, в двадцатых числах декабря 1836 года, вышел в свет четвертый том «Современника». В нем было напечатано следующее извещение:

«От редакции

Спешим уведомить публику, что в начале будущего, 1837 года, выйдет в свет: Старина и новизна, исторический и литературный сборник, изданный к. Вяземским.

В сей книге будут помещены многие любопытные материалы, относящиеся до истории нашей, извлеченные из бумаг графа Ивана Захаровича Чернышева, подаренных издателю сыном его графом Григорьем Ивановичем. Между прочими статьями упомянем о письмах и рескриптах царевича Алексея Петровича, Екатерины II, графа Чернышева, об анекдоте о принце Бироне и проч. и проч., почерпнутых из других достоверных источников. Будут еще письма Екатерины II к вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывок из собственноручных записок графа Раstopчина, воспоминания о графе Каподистрии и некоторых современных ему происшествиях...»¹

Замысел Вяземского не был осуществлен: сборник «Старина и новизна» не был напечатан. В бумагах Вяземского сохранилась программа этого сборника, из которой видно, что, помимо материалов, упомянутых в редакционном извещении, он готовил к печати грамоты великого князя Семиона Бекбулатовича, царей Иоанна, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, указы и письма Петра I, письма многих выдающихся русских деятелей XVIII века².

Все ли исторические документы, имевшиеся в распоряжении Вяземского, были включены им в программу сборника «Старина и новизна»? Нет, далеко не все. Вяземский владел и такими рукописями, о которых в те годы нельзя было печатно упоминать. У него хранились «Записки им-

ператрицы Екатерины II», «Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника сенатора И. В. Лопухина», дневник польского короля Станислава Августа и наконец «Записки княгини Е. Р. Дашковой». Для нас все эти записки — исторические источники, по которым мы изучаем эпоху Екатерины II. Во времена Пушкина эти мемуары были злободневны, правительство пыталось изъять из частного обращения ходившие по рукам списки этих воспоминаний. Не случайно два десятилетия спустя мемуары Екатерины II, И. В. Лопухина и Е. Р. Дашковой были напечатаны Герценом в изданиях Вольной русской типографии в Лондоне: раскрывая закулисную сторону государственной жизни России, эти воспоминания помогли Герцену вести борьбу с самодержавием.

В настоящей статье речь пойдет о «Записках» Е. Р. Дашковой, точнее — о рукописной копии этих записок, которая по сей день хранится в архиве Вяземского. Именно эту копию записок Е. Р. Дашковой читал Пушкин, из этой копии делал свои выписки о Радищеве и на этой копии, как нам удалось установить, сделал помету о Дидро и Дашковой.

II. ДАШКОВА И ДИДРО

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова была выдающейся русской женщиной XVIII века. Герцен, посвятивший ей одну из своих блестящих статей, писал: «В Дашковой чувствуется та самая сила, не совсем устроенная, которая рвалась к просторной жизни из-под плесни московского застоя, что-то сильное, многостороннее, деятельное петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическим воспитанием и женственностью»³.

Дашкова родилась в 1743 году в знаменитой семье Воронцовых, давшей России известных государственных деятелей. Ее отец Роман Илларионович Воронцов был сенатором и генерал-аншефом; ее дядя Михаил Илларионович, в доме которого она воспитывалась, играл видную роль в царствовании Елизаветы Петровны, занимая посты вице-канцлера, а затем канцлера. Он покровительствовал Ломоносову,

¹ «Современник», 1837, т. IV, стр. 299-300.

² ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 948, лл. 11-17.

³ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XII. М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 362.

de mon conducteur, que cette loge étoit destinée par
 № 8
 M^r le Duc pour les Dames étrangères de distinction,
 sans bouger ni respirer, elles jouent les sourdes et mu-
 ettes; je priai mon conducteur de ne plus s'inquiéter,
 que je ne me souciais pas du spectacle, et que je m'en
 retournerais chez moi. Lesy Rider et Mlle Kamemsky
 restèrent debout derrière ces femmes impertinentes, et Diérot,
 moi et Madame Kamillon nous quittâmes la place. Juste
 dans le vestibule nous trouvâmes d'autres désagréments, et après
 et même du danger. M^r les Gardes du Corps empêchèrent
 à coups de Croche de leurs fusils que la population qui l'équiva-
 vouloit à toute force entrer, parceque c'étoit un spec- que l'au-
 tacle Gratus, n'enfonça la porte de la salle. Les Mefier
 uns par Jele ou par mauvaise plaisanterie, donnoient
 des coups à ceux qui vouloient sortir, comme à ceux
 qui vouloient entrer, et je reçus un coup, quoique
 j'étois de la classe reiformable des premiers spect- par un
 etres aurois-je été aponnée avant d'arriver cela
 dans la rue, si je ne m'étois qualifiée du titre de
 la C. Daehkoff: tant il est vrai que la prétendue
 politesse des François ne part pas du cœur. Le Gen-
 darmes ou l'arde du Corps me fit alors la fotté
 excuse qu'il n'avait pas scu ma qualité; je lui répon-
 dis qu'il auroit du suffire pour ma sûreté que je
 fusse en cotillon et que je voufusse sortir et non
 entrer; il craignoit que je ne me plaignisse au Duc

Д Дидро

интересовался успехами отечественной науки. Братья Дашковой — Александр и Семен Романовичи Воронцовы — стяжали широкую известность на дипломатическом поприще. Любознательная Екатерина Романовна жадно читала книги, учила иностранные языки. Благодаря своему упорству и настойчивости она стала одной из образованнейших женщин своего времени: недаром в 1783 году Екатерина II назначила ее президентом Петербургской академии наук и Российской академии. 13 лет находилась Дашкова во главе двух академий, проявив незаурядный организаторский талант, способствуя расширению деятельности верховных «штабов» русской науки и словесности.

Дашкова предпринимала длительные поездки за границу, знакомилась с памятниками старины, изучала политические установления западноевропейских стран, встречалась с известными писателями, философами, учеными: Вольтером и Дидро,

борцом за независимость Корсики Паоли, английским историком Робертсоном, шотландским математиком Фергюсоном, французским публицистом Рейналем, французским астрономом Лаландом и многими другими. Она много повидала на своем веку, ей было о чем вспомнить. Ее мемуары написаны по-французски, на языке, которым отменно владели русские аристократы XVIII века.

При чтении ее записок особое внимание привлекают страницы, в которых она рассказывает о своих встречах с Дидро. Они познакомились в ноябре 1770 года во французской столице. Вспоминая об этом времени, Дашкова писала: «В Париже я пробыла всего 17 дней и не хотела видеть никого, за исключением Дидро. <...> Обычно я выходила из дому в 8 часов и до трех пополудни разъезжала по городу, затем останавливалась у подъезда Дидро; он садился в мою карету, я везла его к себе обедать, и наши беседы с ним длились иногда до двух, трех часов ночи. <...> Все 17 дней моего пребывания в Париже были для меня крайне приятными, так как я посвятила их осмотру достопримечательностей, а последние 10—12 дней провела всецело в обществе Дидро»⁴.

По свидетельству Дидро, написавшего статью о своем знакомстве с Дашковой, он «провел с ней в это время четыре вечера, от пяти часов до полночи, имел честь обедать и ужинать, и был почти единственным французом, которого она принимала»⁵. Сведения Дидро более точные, чем запись Дашковой: он писал статью в 1770 году, по горячим следам своих встреч с русской путешественницей; Дашкова писала по памяти спустя три с половиной десятилетия. Впрочем, возможно, что дело не столько в провалах памяти, сколько в том, что Дашкова хотела изобразить свои отношения с Дидро более основательными, чем они были на самом деле; скорее всего это было преувеличение, искусная ретушь для потомства: ведь она не знала, что в бумагах Дидро лежит рукопись статьи, которая уличит ее.

Продолжая свою статью, Дидро писал: «Несмотря на погоду ноябрьскую, Дашкова каждое утро выезжала около девяти часов и никогда не возвращалась домой раньше вечера, к обеду. Все это время она отда-

⁴ Е. Р. Дашкова, Записки СПб., 1907, стр. 101—107.

⁵ Цит. по русскому переводу в кн. Е. Р. Дашкова, Записки Лондон, 1859 стр. 372.

Е. Р. Дашкова. Гравюра работы А. Уоррена.

вала осмотру замечательных вещей, картин, статуй, зданий и мануфактур. Вечером я приходил к ней толковать о предметах, которых глаз ее не мог понять и с которыми она могла вполне ознакомиться только с помощью долгого опыта, — с законами, обычаями, правлением, финансами, политической, образом жизни, искусствами, науками, литературой; все это я объяснял ей, насколько сам знал»⁶. По словам Дидро, Дашкова была англоманка: «Она искренно ненавидит деспотизм и все проявления тирании. Она коротко знакома с настоящим управлением и откровенно говорит о добрых качествах и недостатках представителей его. Метко и справедливо раскрывает выгоды и пороки новых учреждений»⁷.

Однако, будучи сторонницей английского конституционного режима, Дашкова полагала, что Россия не доросла до подобного правления. Дидро писал со слов своей собеседницы: «Когда Екатерина задумала издать Свод законов, она спросила совета у Дашковой, которая заметила: «Вы никогда не увидите окончания его, и в другое время я сказала бы вам причину, но и попытка великое дело; самый проект составит эпоху»⁸. Мы не знаем, был ли подобный разговор между Екатериной II и Дашковой, не сочинен ли он задним числом, чтобы представить себя в пророческом ореоле перед французским философам; в данном случае нас интересует не историческая точность свидетельства Дашковой, а самый смысл ее прогноза, ее сомнение в возможности введения в России свода законов, который в какой-то степени ограничил бы произвол самодержавной власти.

Подобная же двойственность — расхождение между теоретическим признанием свободы в области социальных отношений и убеждением в несвоевременности ее осуществления в условиях России второй половины XVIII века — свойственна Дашковой и в вопросе о крепостном праве. Излагая содержание своих бесед с Дидро, она писала, что «однажды разговор коснулся рабства наших крестьян». Дашкова уверяла Дидро, что установила в своем «орловском имении такое управление, которое сделало крестьян счастливыми и богатыми и ограждает их от ограбления и притеснения мелких чиновников». Дидро возразил ей: «Но вы не можете отрицать, княгиня, что, будь они свободны, они стали бы просвещеннее и вследствие этого богаче».

«Если бы самодержец, — ответила я, — разбивая несколько звеньев, связывающих

крестьянина с помещиками, одновременно разбил бы звенья, приковывающие помещиков к воле самодержавных государей, я с радостью и хоть бы своею кровью подписалась бы под этой мерой». Итак, Дашкову больше волновал вопрос о независимости дворянского сословия по отношению к верховной власти, нежели величайшая социальная проблема России, проблема бесправия крестьян. Свою защиту крепостничества Дашкова аргументировала тезисом о том, что свобода должно предшествовать просвещение:

«Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не разрушая порядка и отношений, неизбежных при всяком образе правления».

После того как Дидро ответил: «Вы отлично доказываете, дорогая княгиня, но вы меня еще не убедили», — Дашкова блеснула замысловатым сравнением, уподобив крепостного слепорожденному: «...мне представляется слепорожденный, которого поместили на вершину крутой скалы, окруженной со всех сторон пропастью; лишенный зрения, он не знал опасностей своего положения и беспечно ел, спал спокойно, слушал пение птиц и иногда сам пел вместе с ними. Приходит незадачливый глазной врач и возвращает ему зрение, не имея, однако, возможности вывести его из его ужасного положения. И вот — наш бедняк прозрел, но он страшно несчастен: не спит, не ест и не поет больше; его пугает окружающая его пропасть и доселе неведомые ему волны; в конце концов он умирает в цвете лет от страха и отчаяния».

Дидро вскочил при этих словах со своего стула, будто подброшенный невидимой пружиной. Он заходил по комнате большими шагами и, сердито плюнув на землю, воскликнул: «Какая вы удивительная женщина! Вы переворачиваете вверх дном идеи, которые я питал и которыми дорожил целых двадцать лет»⁹.

⁶ Там же, стр. 372—373.

⁷ Там же, стр. 375—376.

⁸ Там же, стр. 376.

⁹ Е. Р. Дашкова, Записки. СПб., 1907 стр. 101—103.

Вряд ли можно сомневаться, что в своих воспоминаниях Дашкова оборвала разговор на том месте, где Дидро красноречиво и страстно атаковал ее аргументацию в защиту рабства. Ей хотелось запечатлеть их спор таким образом, как будто один из умнейших французских энциклопедистов капитулировал перед ее доводами. Будь это так, Дидро не был бы Дидро! Между тем в действительности Дидро остался непоколебимым защитником свободы — 3 апреля 1771 года он писал Дашковой: «У каждого века есть свой отличительный дух. Дух нашего времени — дух свободы. Первый поход против суеверия был жестокий и запальчивый. Когда же люди осмелились один раз пойти против религиозного рожна, самого ужасного и самого почтенного, остановить их невозможно. Если один раз они гордо взглянули в лицо небесного величества, вероятно скоро встанут и против земного. Веревка, стягивающая шею всего человечества, состоит из двух снурков, из которых нельзя разорвать одного без разрыва другого»¹⁰.

Два с половиной года спустя Дидро приехал в Петербург. Однако в России им не удалось встретиться: Дидро жил в столице, Дашкова — в Москве. Два письма, посланных французским философом из Петербурга, свидетельствуют о том, что он продолжал считать ее в числе своих хороших знакомых. «Вы, конечно, помните, с какой свободой вы позволяли мне говорить в улице Гренвиль, — писал Дидро, — той же свободой я пользуюсь и в царском дворце; я могу все говорить, что ни попадет в голову; — умно, когда я считаю себя дураком, и глупо, когда мне кажется, что мудрым. Идеи, перенесенные из Парижа в Петербург, принимают совершенно другой цвет»¹¹. Знаменательное признание! Как ни очаровала знаменитого философа русская императрица, хоть он и писал, что у нее душа Брута, а сердце Клеопатры, споры на берегах Невы, в преддверии огромной страны, стонущей под игом самовластия; невольны несли отпечаток истинного положения вещей. Жестокая правда разрушила иллюзии Дидро, ранее полагавшего, что Екатерина II будет действовать по его предначертаниям.

В 1780 году Дидро и Дашкова снова встретились в Париже: «С невыразимой радостью я увидела Дидро, поцеловавшего меня с той теллой сердечностью, которую отличались его отношения к друзьям. <...> Дидро, несмотря на слабое здоровье, посещал меня почти ежедневно»¹².

Такова история знакомства Дашковой с Дидро. В ее отзывах о французском философе каждый читатель ее записок может обнаружить трогательное почтение и глубочайшее уважение: «Я очень любила в Дидероте даже и запальчивость его, которая была в нем плодом смелого воззрения и чувства; откровенность его, искренная любовь, которою любил он друзей своих, гений его, проницательный и глубокомысленный, участие и уважение, всегда им мне оказанные, привязали меня к нему на всю жизнь. Я оплакала смерть его и не перестану оплакивать ее до последнего дыхания жизни. Худо умели ценить эту необыкновенную голову: добродетель и правота руководствовали всеми его поступками и общее благо были исканием и страстью его постоянными. Если опрометчивостью своею впадал он иногда в заблуждение, то и тогда бывал искренен и сам себя обманывал»¹³.

Как справедливо отметил Ю. Г. Оксан, споры Дашковой с Дидро на острые социальные и политические темы не прошли мимо сознания Пушкина, автора «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева». Ведь эти споры касались важнейших проблем русского общественного развития, и во времена Пушкина они были не менее актуальны, чем за три года до пугачевского восстания, когда в Париже французский философ и русская княгиня пылко опровергали друг друга.

Встречи Дашковой с Дидро, ее восторженные суждения о французском философе были по достоинству оценены в пушкинском кругу. Вяземский вспоминал о них, когда писал свою книгу о Фонвизине. Он даже приводил их в противовес резким отзывам Фонвизина, как «очистительное жертвоприношение памяти мужей, которые имели свои заблуждения и погрешности, но ознаменовали земное поприще свое заслугами просвещению и, следовательно, человечеству»¹⁴.

Как мы вскоре увидим, Пушкин также с

¹⁰ Е. Р. Дашкова, Записки. Лондон, 1859, стр. 363.

¹¹ Там же, стр. 365.

¹² Е. Р. Дашкова, Записки. СПб., 1907, стр. 136—137.

¹³ П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. V. СПб., 1880, стр. 86.

¹⁴ Там же, стр. 86—87.

особым вниманием прочел страницы воспоминаний, излагавших беседы Дашковой с Дидро.

III. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СУДЬБА «ЗАПИСОК» ДАШКОВОЙ

Личная жизнь Дашковой сложилась неудачно. Она рано овдовела, похоронив страстно любимого мужа. Дети — сын и дочь — не оправдали ее надежд. Она дала первоклассное воспитание сыну, но не смогла осилить природу: сын не унаследовал ума рода Воронцовых. Зато он был изумительно красив: он был сыном своего отца. Как известно, мужская красота ценилась при дворе Екатерины II. Алексей Орлов, встретив Дашкову с сыном за границей, с циничной откровенностью предложил ей сделать молодого Дашкова очередным фаворитом императрицы. Княгиня с негодованием отвергла это предложение: не о такой карьере мечтала она для своего сына. Вскоре сын самовольно женился на дочери таможенного чиновника; властная Дашкова не признала неравного брака; она настояла, чтобы сын развёхался с женой. Только у его гроба она поняла, что ничего не достигла своей настойчивостью: не осталось даже внука утешать ее старость. С дочерью у Дашковой отношения были открыто враждебные. Одинок и сиротливо шли годы.

Между тем судьба преподнесла ей неожиданный подарок. В 1803 году к ней приехала погостить молоденькая мисс Вильмот, близкая родственница ее ирландских друзей. Дашкова всем сердцем привязалась к ней. Уступая ее просьбам, Дашкова написала свои воспоминания: «Слушая откровенный рассказ княгини о происшествиях ее юности, я иногда удивлялась, почему она не передает их потомству. Дашкова улыбалась, говоря, что ее часто просили об этом, но она никогда не могла победить стращания к подобной работе. В первую осень моей жизни в ее доме я возобновила просьбу, убеждая присесть за мемуары, что, по моему мнению, могло занять и облегчить ее от домашнего горя. Я была уверена, что этот труд доставит ей самой источник нового отрадного развлечения, и дальше этого ничего не имела в виду. Наконец княгиня согласилась и, к крайнему моему изумлению, объявила, что она посвятит эти мемуары мне с тем, чтоб я впоследствии издала их в свет»¹⁵.

Наивная мисс Вильмот удивлялась, почему Дашкова предназначала ей роль изда-

тельница своих мемуаров. Дашкова лучше ее знала условия отечественной цензуры: записки, повествующие подробно о восшествии на престол Екатерины II, записки, в которых излагались ее споры с Дидро о крепостничестве и многое другое, не могли быть напечатаны даже в первые либеральные годы царствования Александра I.

По возвращении на родину мисс Вильмот хотела сразу же после смерти Дашковой (она скончалась в январе 1810 г.) издать ее записки. Однако русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов, брат Дашковой, воспротивился этому. Лишь в 1840 году ей удалось напечатать английский перевод воспоминаний Дашковой. Это издание привлекло внимание Герцена. Со свойственным ему темпераментом он написал блестящий историко-психологический этюд «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова» и опубликовал его в «Полярной звезде». По его инициативе М. Мейзенбург перевела записки Дашковой с английского на немецкий язык. Это издание записок с предисловием Герцена о Дашковой появилось в 1857 году. Два года спустя при содействии Герцена в Лондоне появился русский перевод записок, которому также было предпослано предисловие Герцена. В России преследовались записки Дашковой (так их аттестовал Герцен) впервые были напечатаны в 1881 году: в XXI томе «Архива кн. Воронцова» П. И. Бартнев опубликовал французский текст записок. Наконец в 1907 году появилось отдельное русское издание. Для широкого русского читателя записки были под спудом целое столетие.

Однако записки Дашковой имели не только печатную, но и рукописную историю. Так уж повелось в царской России, что наиболее интересные произведения мемуарного и публицистического характера распространялись тайком, в списках. После смерти Дашковой один экземпляр записок, найденный в ее бумагах Ю. А. Нелединским-Мелецким, был им удержан у себя, а затем спустя несколько лет передан им племяннику покойной, князю М. С. Воронцову.

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, поэт и вельможа, был давнишним другом отца Вяземского и знал с малолетства будущего поэта и критика. В 1812 году война забросила их обоих в Вологду.

¹⁵ Е. Р. Дашкова, Записки. Лондон, 1859 стр. 405.

Е. Р. Дашкова в ссылке.
Гравюра работы А. Уоррена.

Шестидесятилетний поэт читал свои стихи молодому Вяземскому, охотно проводил время в его обществе. Они подружились. Ю. А. Нелединский-Мелецкий рассказал своему юному другу, что ему посчастливилось найти в бумагах Дашковой ее записки. Вяземский загорелся, он жаждет прочесть эту потаенную хронику екатерининского царствования, хочет посмотреть глазами Дашковой на Западную Европу. Маститый вельможа беспомощно разводит руками: рукопись осталась в Москве; кто знает, сохранится ли она в эти грозные годы.

К счастью, рукопись уцелела, и вскоре Ю. А. Нелединский-Мелецкий смог удовлетворить любопытство Вяземского. Залпом, с захватывающим интересом прочел Вяземский записки Дашковой и попросил разрешение снять копию. Согласие было получено, и Вяземский отдал рукопись писцу. Переписчик оказался не силен во французской грамоте: в копии многочисленные орфографические искажения, исправленные рукой Вяземского. Это было в середине 1810-х годов — бумага, на которой переписаны записки Дашковой, имеет четкий водяной знак: 1814. Именно эту копию записок читал Пушкин.

IV. ПУШКИН ЗА ЧТЕНИЕМ «ЗАПИСОК» ДАШКОВОЙ

В 1830-е годы Пушкин с необыкновенным усердием рылся в исторических источниках. Его работа историографа Петра I и Пугачева требовала тщательных разысканий документов; он добился допуска в секретные архивы, получил разрешение ознакомиться с бумагами Вольтера, хранившимися в Эрмитажной библиотеке в Петербурге. В эти годы его мысль неоднократно возвращалась к запретному имени Радищева. Именно к 1833—1836 годам, когда Пушкин работал над статьями о Радищеве, относится чтение им воспоминаний Дашковой. Сведения об авторе «Путешествия из Петербурга в Москву» были наперечет, и Пушкин старался вознаграждать нехватку печатных материалов рукописными источниками. У П. П. Свиньина он одолжил записки секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого, в которых были вкраплены ценные свидетельства о ходе следствия над крамольным писателем. Естественно, что «Записки» Дашковой, в которых также говорилось о Радищеве, привлекли внимание Пушкина — благо рукописная коллекция Вяземского всегда была к его услугам.

Прочитав «Записки» Дашковой, Пушкин выписал место о Радищеве, и не только выписал, но и вступил с Дашковой в замаскированную полемику. Речь идет о произведении Радищева «Житие Ф. В. Ушакова», его друга, умершего в молодости. Сравним, что писали Дашкова и Пушкин об этом некрологе.

Вспоминая о своем брате Александре Романовиче Воронцове, Дашкова писала: «Мой брат имел под своим началом коммерц-коллегию и таможи. Я встречала у него одного молодого человека, г. Радищева, который получил образование в Лейпциге и к которому брат был очень привязан. Однажды в Российской академии, в доказательство того, что у нас много писателей, не знающих родного языка, мне показали брошюру, которую написал и издал этот самый Радищев. Это было жизнеописание одного из его товарищей по учению в Лейпциге, некоего Ушакова, и похвальное слово ему. Я об этом в тот же вечер сказала брату, который начал с того, что послал к книгопродавцу за этой брошюрой. Я заметила ему, что его протеже страдает зудом писать, несмотря на то, что ни его стиль, ни его мысли не переварены как следует и что у него встречаются даже мысли или выражения, опасные по нашему времени. Несколько дней спустя мой брат сказал мне, что я слишком строго осудила маленькое произведение Радищева, что он прочитал его и что о нем можно было бы сказать, что оно лживо, ибо этот Ушаков никогда не сделал и не написал ничего замечательного, вот и все. Возможно, сказала я, что слишком много строгости в вынесенном мною суждении. Но, так как брат интересовался автором, я сочла своим долгом предупредить его о том, что, казалось мне, я усмотрела в этой глупой маленькой брошюре: что, когда человек существовал лишь для того, чтобы спать, пить и есть, он не мог бы найти панегиристов, разве что в лице некоторых, охваченных безумием печататься при жизни, и что этот писательский зуд может привести его протеже к тому, что он напишет в будущем что-нибудь еще более предосудительное»¹⁶.

Сравним строгий приговор Дашковой с отзывом Пушкина о «Житии Ф. В. Ушакова». В запрещенной цензурой статье «Александр Радищев» (не дозволенная к

¹⁶ Рукою Пушкина, стр. 591.

печати распоряжением министра народного просвещения С. С. Уварова, эта статья впервые была опубликована в 1857 году) Пушкин утверждал: «Радищев написал «Житие Ф. В. Ушакова». Из этого отрывка видно, что Ушаков был от природы остроумен, красноречив и имел дар привлекать к себе сердца. Он умер на 21-м году своего возраста от следствий невожденной жизни; но на смертном одре он еще успел преподать Радищеву ужасный урок. Осужденный врачами на смерть, он равнодушно услышал свой приговор; вскоре муки его сделались нестерпимы, и он потребовал яду от одного из своих товарищей. Радищев тому воспротивился, но с тех пор самоубийство сделалось одним из любимых предметов его размышлений» (XII, 31).

Дашкова считала Ушакова ничтожеством, в то время как Пушкин в первую очередь обратил внимание на привлекательные черты его характера, на его стойкость перед лицом смерти. В отзыве Дашковой явственно проступает неприязненное отношение к личности Радищева, в то время как в статье Пушкина звучит восхищение нравственной непоколебимостью писателя, «политического фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарской совестью» (XII, 32—33).

Однако интерес Пушкина к «Запискам» Дашковой не ограничивался страницами, посвященными Радищеву. Ведь Дашкова подробно описывала события, приведшие к воцарению Екатерины II, а во времена Пушкина эта тема была под запретом: цензура не допускала в печать воспоминаний и статей, излагавших историю дворцовых переворотов XVIII столетия. Между тем закулисная «подоплека» русского XVIII века, безусловно, привлекала внимание Пушкина. Для доказательства этого положения достаточно привести следующий пример. Сохранился узкий листок бумаги, на котором Пушкин конспективно изложил свой разговор с дочерью Е. Р. Дашковой: «Разумовский, Никита Панин, заговорщики. Г<осподин> Дашков, посол в Константинополе. Влюблен в Екатерину. Петр III ревнует к Елизавете Воронцовой. (Г-жа Щербинина)» (XII, 204).

Госпожа Щербинина — это Анастасия Михайловна Щербинина, урожденная Дашкова. Она умерла 19 июля 1831 года. Известно, что 20 февраля 1831 года Пушкин был на бале в ее доме в Москве. По всей вероятности, приведенная выше запись

сделана Пушкиным около этого времени. Как мы видим, А. М. Щербинина, зная что о слов своей матери подробности заговора 1762 года, рассказывала Пушкину о событиях дворцового переворота.

Несколько лет спустя, читая «Записки» Дашковой, Пушкин мог возобновить в памяти свой разговор с А. М. Щербининой. В частности, Пушкин прочел в воспоминаниях Дашковой о том, как она вовлекла в заговор своего дядю графа Никиту Ивановича Панина, а также фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовского. Эти страницы ее записок имели особый, родословный интерес для поэта. В одной из записок своих застольных разговоров, «Table-talk», Пушкин писал:

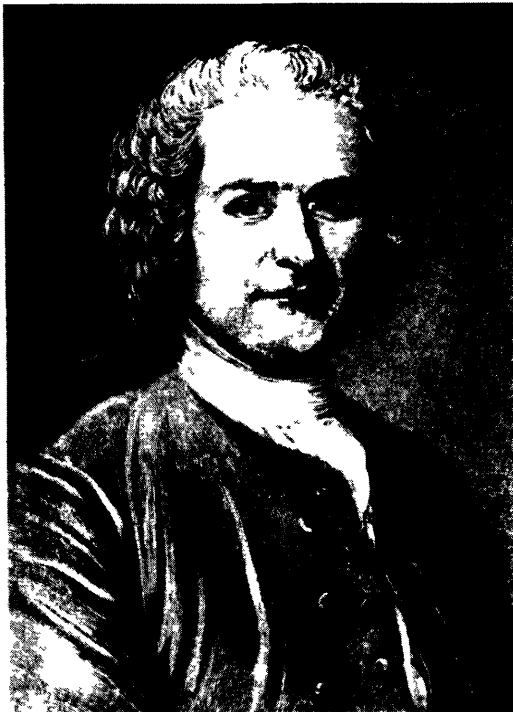
«Граф К. Разумовский был в заговоре 1762 г. Исполнение было ускорено изменою одного из сообщников. Екатерина уже бежала из Петергофа, а Разумовский еще ничего не знал. Он был дум. Вдруг слышит, к нему стучатся. «Кто там?» — «Орлов, отоприте». Алексей Орлов, которого до тех пор гр. Разумовский не видывал, вошел и объявил, что Екатерина в Измайловском полку, но что полк, взволнованный двумя офицерами (дедом моим Л. А. Пушкиным и не помню еще кем), не хочет ей присягать. Разумовский взял pistols, поехал в фуру, приготовленную для посуды, явился в полк и увлек его. Дед мой посажен в крепость, где и сидел два года» (XII, 162).

Об этом эпизоде Пушкин вспоминает также в «Моей родословной»:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин...
(III, 262).

Так скрестилась судьба деда Пушкина и княгини Дашковой. Впрочем, поэт знал, что и Дашкова, деятельно взявшая сторону Екатерины II, многие годы была не в чести. Даже назначив ее президентом двух академий, императрица выказывала ей порой свое неодобрение. 4 декабря 1833 года Пушкин занес в свой дневник:

«...вечером у Загряжской (Нат. Кир.). Разговор о Екатерине: Наталья Кирилловна была на галере вместе с Петром III во время революции. Только два раза видела она Екатерину сердитою, и оба раза на княгиню Дашкову. Екатерина звала ее в

Ж. Ж. Руссо. Художник
Делякур

Эрмитаж. Кн. Дашкова спросила у придворных, как ходят они туда. Ей отвечали: через алтарь. Дашкова на другой день с десятилетним сыном прямо забралась в алтарь. Остановилась на минуту, — поговорила с сыном о сядлости того места — и прошла с ним в Эрмитаж. На другой день все ожидали государыню, в том числе и Дашкова. Вдруг дверь отворилась, и государыня влетела, и прямо к Дашковой. Все заметили по краске ее лица и по живости речи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнем проступке, говоря, что она не знала, чтобы женщине был запрещен вход в алтарь.

— Как вам не стыдно, — отвечала Екатерина. — Вы русская и не знаете своего закона, священник принужден на вас мне жаловаться. Наталья Кирилловна расска-

зала анекдот с большой живостью. Княгиня Кочубей заметила, что Дашкова вошла, вероятно, в алтарь в качестве президента Русской академии. Второго анекдота я не выслушал» (XII, 316).

Пушкин слышал этот рассказ из уст Загряжской, урожденной графини Разумовской, дочери того самого Кирилла Григорьевича Разумовского, решительность которого определила успех дворцового переворота 1762 года.

Однако вернемся к записи Пушкина о его разговоре с А. М. Щербининой. Как мы помним, Пушкин записал, что князь М. И. Дашков был влюблен в Екатерину II. Это свидетельство поможет нам уточнить отношение поэта к воспоминаниям Дашковой. Ведь порой незаметные и на первый взгляд маловажные сведения дают новое, неожиданное освещение всей картине, нарисованной тем или иным мемуаристом. Чтобы прокомментировать эту запись Пушкина, вспомним историю замужества Дашковой.

В 1759 году Е. Р. Воронцова 15-летней девушкой по любви вышла замуж за блестящего, молодого, богатого офицера Преображенского полка князя Михаила Ивановича Дашкова. Через два года супруги переехали из Москвы в Петербург. Сестра Дашковой Елизавета Романовна была открытой любовницей Петра III. Однако Дашкова вопреки желанию родных избрала собственную дорогу. Она сблизилась с Екатериной и вступила в ряды заговорщиков. Дашкова была смелая женщина, за себя она не боялась. Однако, страстно любя своего мужа, она не хотела подвергать его опасности. Страшась за его судьбу — заговор мог быть раскрыт, — Дашкова выхлопотала ему пост русского посла в Константинополе, куда он уехал в феврале 1762 года.

Впрочем, не исключено, что была еще одна немаловажная причина, по которой Дашкова решила удалить мужа из Петербурга: ревность! Хотя в своих «Записках» она не обмолвилась о влюбленности М. И. Дашкова в Екатерину II, косвенное подтверждение этому свидетельству содержится в ее письме к мистрису Гамильтон: «Я знаю только два предмета, которые были способны воспламенить мои бурные инстинкты, не чуждые моей природе: неверность мужа и грязные пятна светлой короны Екатерины II»¹⁷.

¹⁷ Е. Р. Дашкова, Записки. Лондон, 1859, стр. 359

Для Пушкина рассказ А. М. Щербининой о влюбленности мужа Дашковой в Екатерину II мог иметь психологический интерес. В своих воспоминаниях Дашкова объясняет внезапное охлаждение к ней Екатерины II исключительно неприязненными отношениями, сложившимися между ней и Алексеем Орловым, фаворитом императрицы. Между тем увлечение М. И. Дашкова (можно думать, что Екатерина II не была слишком строга к красивому поклоннику) не могло не отразиться на характере отношений между императрицей и ее ближайшей наперсницей. Читая воспоминания Дашковой, Пушкин мог убедиться, за какой осторожностью и критicismом следует относиться к мемуарным источникам, насколько устное предание способно углубить, психологически уточнить, сделать более рельефными, выпуклыми, более мотивированными и обоснованными печатные и рукописные материалы.

Итак, можно не сомневаться в том, что Пушкин читал «Записки» Дашковой не только с неослабевающим интересом, но и с явной настороженностью. Несправедливая оценка личности Радищева, сокрытие от потомства всей сложности своих отношений с Екатериной II, идеализация своих собственных побуждений и поступков — все это должно было вызывать раздумья, стремление досконально проверить сообщаемые ею факты, ее характеристики и оценки. Порой подобное строгое аналитическое чтение источника наталкивало даже на возражения. Именно спором с Дашковой является помета Пушкина на рукописи ее «Записок». Эта помета касается отношения Дашковой к Дидро.

Ранее мы познакомили читателей с отзывом Дашковой о Дидро. Не правда ли, трогательная идиллия? Независимая, широкообразованная русская аристократка превозносит до небес одного из столпов французского энциклопедизма, атеиста (или, как писал Пушкин, «афея»), вольнодумца Дидро. Читая ее прочувствованный панегирик, Пушкин должен был размышлять над тем, насколько просвещенные нравы Дашковой были ей органически присущи, насколько прочно укоренились в ее сознании принципы, сторонницей которых она с таким блеском выставляла себя в своих «Записках». Ведь в ее отзывах о Дидро могло быть двойное, даже тройное преломление действительных событий сквозь призму психологии и времени.

Безусловно, остроумный и проницательный Дидро, один из умнейших людей

французского Просвещения, вызывал искреннее восхищение Дашковой. И вместе с тем в своем стремлении быть на равной ноге с Дидро сознательно или бессознательно Дашкова могла выказывать себя с определенной, наиболее выгодной стороны. Этому мог способствовать и сам Дидро: ведь ум собеседника порой магически действует на его партнера; естественно, что фейерверк мысли Дидро вызывал ответные импульсы в русской путешественнице, воспитанной на лучших образцах французской просветительской литературы. Легко себе представить, что во время их бесед она мыслила собраннее и острее, чем обычно. Недаром ее сравнение судьбы русского крепостного со слепорожденным, а самого Дидро — с незадачливым глазным врачом так взволновало философа и вызвало его бурный протест. Обаяние этих встреч, продолжительных разговоров с глазу на глаз, посвященных различным общественным и литературным вопросам, неизбежно отразилось на восторженной характеристике Дидро в ее воспоминаниях.

Пушкин продолжал читать ее «Записки», и вскоре ему удалось обнаружить неприметный на первый взгляд, но весьма примечательный эпизод, показывающий, что у Дашковой вслед за «взлетами» ее встреч с Дидро бывали «падения». Рассказывая о своем путешествии по Франции, Дашкова писала о посещении театра в Лионе:

«В первый же спектакль мы отправились в театр: леди Райдер, m-me Гамильтон, госпожа Каменская и я; но каково было наше удивление, когда в отведенной нам ложе я нашла четырех лионских дам, расположившихся в ней; на представление моего проводника, что ложа эта предназначена герцогом для знатных иностранных дам, они, будто глухонемые, не двигались с места и ничего не отвечали. Я попросила проводника более не беспокоиться, говоря, что спектакль не представляет для меня особенного интереса, и решила вернуться домой. Леди Райдер и госпожа Каменская остались стоять за этими наглыми женщинами, а мы с m-me Гамильтон вернулись к себе».

Дойдя до этого места, Пушкин подчеркнул слова «наглыми женщинами» («femmes impertinentes») и написал на полях: «Diderot, docteur et apôtre de l'égalité, qui l'auteur admire, n'aurait pas dit cela»¹⁸

¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1196, л. 88. «Дидро учитель и апостол равенства, которым автор восхищается, так бы не выразился» (франц.).

Создается впечатление, что предыдущие страницы воспоминаний, где излагались разговоры Дашковой с Дидро, особенно насторожили Пушкина. В беседах с Дидро сконцентрировалась идейная проблематика воспоминаний, и понятно, что именно они вызвали пристальное внимание Пушкина. Как только Дашкова незаметно для самой себя проговаривается, Пушкин хватается за руку: вы признаете Дидро необыкновенным человеком, так извольте уж до конца следовать его наставлениям — такова, по существу, мысль Пушкина, высказанная в его лаконичной помете на полях рукописи ее записок.

Дидро был одним из тех писателей и философов французского Просвещения, жизнь и деятельность которого остро интересовали Пушкина. В его библиотеке сохранилось издание сочинений Дидро, дополнительный том неизданных произведений его, четырехтомное издание, включающее обширную переписку Дидро с его возлюбленной Софи Воллан, скульптором Фальконе, видным деятелем русского просвещения И. И. Бецким, воспоминания дочери Дидро и некоторые другие материалы. Просматривая эти томики, можно убедиться, что Пушкин внимательно читал произведения Дидро. Правда, его драмы («Побочный сын» и «Отец семейства») не понравились Пушкину: он осилил лишь первые акты, остальные страницы не разрезаны. Не полностью разрезаны и «Салоны».

Зато эпистолярное наследие философа, «Прогулка скептика», «Парадокс об актере», «Монахиня», «Племянник Рамо» полностью прочтены Пушкиным, равно как и многие мелкие прозаические произведения; среди них и мемуарная статья Дидро о Дашковой. На полях этой статьи мы встречаем карандашные отчеркивания. В свое время М. А. Цявловский высказал предположение, что они сделаны Пушкиным¹⁹. И хотя это являлось бы еще одним аргументом, доказывающим заинтересованность Пушкина личностью Дашковой, мы вынуждены высказать свое сомнение.

Новонайденная помета Пушкина органически включается в обширный круг размышлений поэта о соответствии или несоответствии жизненных принципов человеческим поступкам, о нравственной ценности и цельности личности. Все мы помним строки из первой главы «Евгения Онегина»:

Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим

Смел чистить ногти перед ним,
Красноречивым сумасбродом.
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем неправ (VI, 15).

Как и в примере с Дашковой, Пушкин укорял Руссо в непоследовательности, в том, что провозвестник «вольности и прав» был при всех жизненных обстоятельствах был верен своей теоретической позиции.

На самом деле оскорбленный неблагодарностью Гримма, нанесшего ему множество обид, Руссо усмотрел в эпизоде с чисткой ногтей еще одно подтверждение пренебрежительного отношения к себе. И хотя все содержание «Исповеди» свидетельствовало о неоднократных проявлениях неприязни между плебеем Руссо и аристократом Гриммом, Пушкин не счит нужным вникать в существо их разногласий: он взял из контекста сложных отношений Руссо и Гримма отдельный штрих, по которому можно судить, насколько глубоко идея равенства проникла в сознание писателя, насколько она стала неотъемлемой частью его самого. Характерно, что этот «срыв» Пушкин ищет не в высокой сфере рассуждений, где человек, как правило, бывает начеку и старается не допустить противоречий, а в быту, в обыденной ситуации.

Десятилетие отделяет строки «Евгения Онегина» о Руссо и Гримме от пометы на рукописи «Записок» Дашковой. В обоих случаях Пушкин соотносит поведение человека и принципы, выдвинутые или исповедуемые им. В одном случае Пушкин уличает плебея Руссо (фон: аристократ Гримм), в другом — княгиню Дашкову (фон: разночинец Дидро). Однако было бы поспешным на этом основании делать вывод о направлении идейной эволюции Пушкина. Другие высказывания его (в частности, о своем шестисотлетнем дворянстве) говорят о том, что сословные традиции до конца жизни составляли существенный элемент его взглядов. В наших примерах речь идет не об идейных симпатиях и антипатиях Пушкина, а о его попытках вскрыть противоречия в психологии различных общественных групп.

¹⁹ Рукою Пушкина, стр. 593.

